

Обсуждение статей товарища Сталина по вопросам языкознания

В Институте истории АН СССР

Статьи товарища Сталина по вопросам языкознания вызвали большой подъем как среди историков, так и представителей других общественных наук. Открытое партийное собрание в Институте истории продолжалось два дня.

Доклад о задачах советских историков в связи со статьями товарища Сталина сделала член-корр. АН СССР А. М. П а н к р а т о в а. Она подчеркнула, что прошедшие за последние годы творческие дискуссии по основным вопросам важнейших отраслей советской науки свидетельствуют о большом движении творческой мысли передовых советских ученых. Эти дискуссии наглядно показали, что только на основе открытого обсуждения назревших вопросов, на основе принципиальной критики и самокритики можно двигать советскую науку вперед так, чтобы она полностью служила великим задачам борьбы за коммунизм.

«Сила и жизненность марксизма-ленинизма состоит в том, — цитирует А. М. Панкратова слова товарища Сталина, — что он опирается на передовую теорию, правильно отражающую потребности развития материальной жизни общества, поднимает теорию на подобающую ей высоту и считает своей обязанностью использовать до дна ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу»¹.

Советская наука — передовая наука, развивающаяся на прочной основе учения марксизма-ленинизма. Она развивается на основе глубоких обобщений новых явлений жизни, в решительной борьбе против косности и застоя, творчески применяя революционный метод марксизма-ленинизма. Борьба за творческий марксизм во всех областях науки — таков наш лозунг, такова наша боевая программа во всех областях науки, в том числе и в вопросах истории. Но реализовать этот лозунг можно только на основе научной критики и самокритики как основного метода нашей работы. Вот почему свободная дискуссия по вопросам советского языкознания, происходившая на страницах «Правды», является событием и знаменательной вехой не только в науке о языке, но и на фронте общественных наук вообще, исторической в частности.

А. М. Панкратова указывает, что в своих последних выступлениях товарищ Сталин глубоко развивает общие проблемы марксистско-ленинской теории: вопросы базиса и надстройки, учение об общественном производстве, о классах и классовой борьбе, о революционном скачке, о революции «сверху», о происхождении народов, о характере и типе древнейших государств, о нации и национальной культуре и многие другие.

Развивая основные положения статей товарища Сталина, докладчик детально критикует вульгаризаторские и упрощенческие взгляды Н. Я. Марра, в особенности в области истории, и подчеркивает то обстоятельство, что Марра популяризировал М. Н. Покровский, призывавший советских историков овладеть яфетической «теорией». А. М. Панкратова приводит слова М. Н. Покровского, утверждавшего, что если бы Энгельс был жив, то «никакого сомнения не было бы относительно того, что теория Марра есть одна из полезнейших для марксизма теорий».

Говоря о бесплодности предпринимавшихся некоторыми советскими историками попыток достигнуть каких бы то ни было результатов на пути использования яфетической «теории» Марра, А. М. Панкратова останавливается на деятельности Комиссии по этногенезу во главе с чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцовым. Работы А. Д. Удальцова представляют, по заявлению их автора², попытку объединить высказывания классиков марксизма-ленинизма по вопросам языка и наций с теорией Марра о языке.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 112.

² См. его доклад «Теоретические основы этногенеза», ИАН, СИФ, № 6, 1944.

Он подчеркивал как большой плюс советской науки использование ею «такого прогрессивного орудия, каким является новое учение покойного Н. Я. Марра о языке». Более того, мы читаем в докладе председателя Комиссии по этногенезу: «Прежде всего отметим, что классики марксизма-ленинизма благодаря научной прозорливости и совершенству своего метода предвосхитили многое из того, к чему независимо от них пришел затем в результате специальных исследований в своем новом учении о языке Н. Я. Марр». А. М. Панкратова отмечает явную несостоятельность попытки образования столь несчастливого симбиоза великого марксистско-ленинского учения с псевдонаучной марровской вульгаризацией. Поставив в основу анализа этногенеза проблему скрещивания различных племен и народов, А. Д. Удальцов, однако, не рассматривает факты скрещивания языков, имевшие место в истории, как длительный процесс, результатом которого является победа одного языка над другим, а оценивает этот процесс как развитие от множества к единству, как процесс этнической интеграции.

Приведем затем четкие и определенные высказывания товарища Сталина по этому вопросу, А. М. Панкратова подчеркивает неправильность утверждения А. Д. Удальцова, который вслед за Марром говорит о наличии языковой революции в процессе формирования народов. Рассматривая язык как целый клубок вековых наслоений, подлежащий палеонтологическому анализу, А. Д. Удальцов призывает следовать примеру Марра и при изучении проблемы этногенеза.

Ошибки и преувеличения, которые допускает А. Д. Удальцов вслед за Марром, можно отметить также и в его других работах, в особенности в переработанной стенограмме его другого доклада, напечатанного в «Историческом журнале» № 11—12 за 1943 г. под названием «Начальный период восточнославянского этногенеза».

В этой статье А. Д. Удальцов также считает, что теоретической основой советских историков должны быть как учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, так и «широкое использование учения Н. Я. Марра».

А. М. Панкратова отмечает, что использование учения Марра привело к запутыванию этой проблемы и даже к таким неожиданным и рискованным выводам, какие делал, например, акад. Н. С. Державин, говоря, будто бы в Северном Причерноморье жили в предкифскую эпоху вместе с киммерийцами этруски в виде «мощного племенного объединения» и что они якобы передали позднейшей Руси свое имя и положили начало русскому народу. Подчеркнув, что в новой работе товарища Сталина дается дальнейшее творческое развитие марксистско-ленинского учения о формировании нации и о языке, А. М. Панкратова критикует ошибки некоторых советских историков в этой области и особо останавливается на недостатках учебников по истории Грузии, нового издания «Истории Казахской ССР», «Истории Украины», «Истории Белоруссии», а также на недочетах рукописи учебника по истории Молдавии.

В заключение своего доклада А. М. Панкратова говорит о примере углубленной творческой разработки вопросов теории, который дал советским ученым товарищ Сталин, нашедший возможным оторвать часть своего драгоценнейшего времени для того, чтобы написать статьи, явившиеся замечательным вкладом в развитие марксистско-ленинской теории.

Чл-корр. АН СССР Н. М. Дружинин, выступивший в прениях, посвятил значительную часть своего выступления вопросу о базисе и надстройке, подтвердив конкретным историческим материалом всю важность того нового, что внес в этом направлении товарищ Сталин. Оратор, в частности, подчеркнул, что товарищ Сталин дал историкам глубокую теоретическую основу для борьбы со всякого рода модернизацией прошлого. Опираясь на указание товарища Сталина о том, что «надстройка... ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса», Н. М. Дружинин обосновал необходимость решительного осуждения всякой попытки сближения прошлого с настоящим вопреки истинному смыслу прежних явлений. Он напомнил, что в советской исторической литературе имело место утверждение о том, что учение Чернышевского об общине было предвосхищением колхозного строя социалистической эпохи. Надо избегать модернизации, проявляющейся и сейчас, хотя и не в столь грубой форме.

Затронув ряд других вопросов, Н. М. Дружинин особо отметил наблюдающиеся факты недобросовестной критики, подчеркнул недопустимость шельмования и опрачивания научных работников, что заставляет иных товарищей подчас воздерживаться от самостоятельных выступлений, а иногда выступать половинчато, отказываясь от ясного и определенного решения вопроса. Товарищ Сталин, подчеркнул оратор, учит нас смелой, решительной постановке вопросов, широкому обсуждению важнейших теоретических проблем, борьбе против монополизации науки и отдельных ее участков в руках «непогрешимых» жрецов науки.

Взявший затем слово акад. Е. А. Косминский также обратил внимание участников собрания на всю важность указания товарища Сталина относительно того, что «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики». Оратор напомнил о нетерпимом режиме в науке, созданном в свое время М. Н. Покровским, когда малейшая попытка возражать против псевдомарксистских, вульгаризаторских мнений Покровского и его «школы» объявлялась чуть ли не преступлением. Не случайно тот же Покровский провозгласил непререкаемый авторитет Марра в вопросах языкознания и этногенеза, заявив, что теория Марра вошла в железный инвентарь марксизма. Свобода научной критики, говорит Е. А. Косминский, предполагает и свободу возражений критикам. Между тем у нас критика иногда понимается как какое-то пятно, независимо от того, кто критиковал и за что критиковал. Наша советская, научная критика не может носить такого характера. Целью критики является не порочить того, кто сделал ошибки, а товарищески помочь исправить допущенные ошибки. На это нам решительно указывают статьи товарища Сталина.

Е. А. Косминский подчеркивает правоту сталинских слов относительно недопустимости кичливого, высокомерного тона, который находил место и в среде историков. Но значит ли все это, говорит акад. Косминский, что мы должны отказаться от партийности в науке? Значит ли это, что любое мнение может быть равноправным, как это утверждает, хотя и не проводит на практике, буржуазная наука? Разумеется, нет! Борьба мнений, свобода критики должны в конце концов приводить к дальнейшему развитию марксистско-ленинского исторического мировоззрения.

Затем акад. Е. А. Косминский охарактеризовал программу работ советских медиевистов и подчеркнул, что все основные проблемы, которыми должны заниматься работающие по истории средних веков, поставлены перед ними товарищем Сталиным. Сюда относятся: история трудящихся масс деревни и города, проблема восстаний рабов, проблема сложения наций, наконец, проблема буржуазной революции как революции в первую очередь крепостного крестьянства.

В своем выступлении чл.-корр. АН СССР А. Д. Удалцов отметил выдающееся значение статей товарища Сталина по вопросам языкознания. Указав, далее, что А. М. Панкратова причислила его к тем историкам, которые пытаются совместить марксизм с учением Н. Я. Марра, А. Д. Удалцов признал в этом значительную долю истины, но заявил, что в отношении его в такой формулировке это положение не совсем правильно, поскольку он языкознанием не занимался, а пытался опираться лишь на археологический и исторический материал. А. Д. Удалцов сказал, что все историки виноваты в том, что просмотрели положения, которые товарищ Сталин выдвигал с 1913 г. Он различал язык и культуру, а мы все это просмотрели. Далее А. Д. Удалцов критиковал языковедов, которые совсем не помогли историкам и, как выразился оратор, «оставили нас на произвол судьбы».

Проф. Н. А. Машкин осветил значение статей товарища Сталина для историков древности, в особенности положение о том, что империи рабского и средневекового периодов были временными военно-административными объединениями и представляли собой конгломерат племен и народностей. Между тем некоторые наши историки, обращаясь к истории империи Александра Македонского, прежде всего стремились найти какую-то экономическую базу, которой здесь не было.

Далее Н. А. Машкин, касаясь опубликованного в «Правде» письма проф. С. П. Толстова, возражает против мнения С. П. Толстова, будто бы чуть ли не все археологи и этнографы сочувственно относились к теории Марра. Многие археологи, историки

и этнографы не признавали теории Марра, но в силу существовавшего режима не могли надлежащим образом выступить. Н. А. Машкин указывает, что работавшие в области археологии и этнографии были затронуты марровскими неверными, идеалистическими, псевдонаучными понятиями больше, чем историки, занимающиеся письменными документами.

Н. А. Машкин подчеркнул, что больше всего ошибок было сделано в области этногенеза. Хотя сам А. Д. Удальцов, который возглавляет эту область, сказал, что занимавшиеся исследованием этногенеза зашли в тупик, однако из его речи трудно было понять, в чем именно этот тупик заключается.

В заключение проф. Машкин сделал ряд критических замечаний по адресу Президиума АН СССР, который неправильно ориентировал ученых в области языкознания. По мнению оратора, Президиум АН СССР в постановлении о работе Института истории неправильно определяет актуальность научной тематики, ошибочно считая актуальной тематикой только ту, которая касается новейших периодов истории.

Вице-президент АН СССР акад. В. П. Волгин в своей речи подчеркнул многогранное значение последних выступлений товарища Сталина по вопросам языкознания. — Более общее значение, далеко выходящее за пределы вопросов языковедения, сказал В. П. Волгин, — имеет развитие товарищем Сталиным учения о надстройке, о ее соотношении с базисом, о значении надстройки как активной силы, оформляющей и укрепляющей этот базис, помогающей ликвидации старого, отживающего базиса и соответствующей ему старой надстройке, об ограниченности сферы действия этой надстройки. Для нас всех ряд положений товарища Сталина, связанных с этим кругом проблем, раскрывает совершенно новые перспективы дальнейшего развития учения исторического материализма. Не меньшее значение для развития теории исторического материализма имеет то место статьи товарища Сталина, где он подвергает критике примитивно-анархический взгляд на общество, согласно которому классовая борьба приводит к распаду общества, к исчезновению всякой связи между составляющими общество классами. Разве такого рода ошибка не встречается весьма часто не только в работах наших языковедов, но и в работах наших историков? — спрашивает оратор. Он приводит слова товарища Сталина: «Понятно, что такой примитивно-анархический взгляд на общество, классы, язык не имеет ничего общего с марксизмом. Но он безусловно существует и продолжает жить в головах некоторых наших запутавшихся товарищей». В. П. Волгин указывает, что запутавшиеся товарищи имеются не только среди языковедов.

Серьезным предупреждением всем товарищам, склонным к упрощенчеству в понимании общественных явлений, служат слова товарища Сталина, направленные против универсального применения закона перехода от старого качества к новому путем взрыва. Наконец, вряд ли можно переоценить плодотворное воздействие на всю нашу научную работу тех положений, которые развиты товарищем Сталиным по вопросу о роли критики и самокритики.

«Общепризнано, — говорит товарищ Сталин, — что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать». Необходимо с большим сожалением констатировать, что эти явления, указанные к ситуации, сложившейся на языковедском фронте, связаны в большей или меньшей степени со всеми участками нашей работы — говорит В. П. Волгин. Указания товарища Сталина должны мобилизовать всех подлинных людей науки на борьбу с этой вредной тенденцией к захвату и монополизации ведущих позиций, к подавлению свободной критики, к образованию замкнутой группы «непогрешимых».

Акад. Волгин напоминает о резком осуждении товарищем Сталиным укоренившегося среди языковедов нескромного, кичливого, высокомерного тона, совершенно не свойственного марксизму. «Послушать Н. Я. Марра и особенно его «учеников», — говорит товарищ Сталин, — можно подумать, что до Н. Я. Марра не было никакого

языкознания, что языкознание началось с появлением «нового учения» Н. Я. Марра. Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период».

Культурное наследство прошлого, подчеркивает В. П. Волгин, ни в коем случае не является для нас чем-то неприкосновенным, наука непрерывно идет вперед, критически пересматривая достижения прошлого, отбрасывая все устарелое, все, что может оказаться препятствием на пути научного прогресса. Мы высоко ценим новаторский дух в науке, мы решительные враги окостенелых традиций, но это не должно служить основанием для зазнайства, для чванливого пренебрежения к прошлому науки. Такое пренебрежение вредно для развития науки, оно сопряжено обычно с невежеством, оно характеризует обычно недорослей от науки.

В науке нужна свободная критика и четкая, смелая самокритика. Я должен сказать, что до сих пор самокритика в отношении влияния теории Марра охватила более широко круги языковедов, но, как здесь говорили, влияние теории Марра было гораздо шире, и попытки установления того, что товарищ Сталин красочно назвал «аракчеевским режимом», были свойственны сторонникам Марра не только в языковедении, но и во всех тех областях, где они работали. С этой точки зрения выступления товарищей, которые были заражены, если можно так выразиться, теорией Марра, в печати и на собраниях не всегда могут нас удовлетворить. В частности, акад. Волгин отмечает неудовлетворительность выступления на данном собрании А. Д. Удальцова, который не нашел в себе смелости прямо и честно признать свою ошибку и от нее избавиться, а также неудовлетворительность некоторых выступлений в «Правде» уже после опубликования статьи товарища Сталина (например, проф. С. П. Толстова и др.). Далее акад. Волгин указывает на правильность упреков в отношении Президиума АН СССР. Президиум, говорит В. П. Волгин, действительно дважды выносил резолюции, в которых провозглашалась единospасающая истина Марра и осуждались все его противники. Но сейчас Президиум АН СССР со всей честностью признал свои ошибки и отменил соответственные резолюции об учении Марра и языковедении.

В заключение оратор говорит: — Появление каждой работы товарища Сталина всегда служит толчком к новому подъему, в области ли хозяйственной, в области ли научной, или всякой иной. Появление каждой работы товарища Сталина не может не вызывать чувства благодарности у всех, кому дороги интересы нашего строительства, кому дорога наша борьба за коммунизм. Работы товарища Сталина, посвященные вопросам науки, не могут не вызывать благодарности у всех, кто понимает роль науки в строительстве коммунизма. Появление каждой работы товарища Сталина не может не вызывать в нас чувства глубочайшей радости по поводу того, что нам довелось жить и работать под его гениальным руководством и получать в своей работе его гениальные указания.

Выступивший затем проф. С. В. Киселев развил ряд положений, связанных с задачами советских археологов в свете новых теоретических выступлений товарища Сталина. Проф. Киселев подчеркивает всю несостоятельность марровских теоретических «основ». Оратор указывает как на серьезный тормоз в работе археологов на наличие немарксистской теории стадияльного развития. Искусственные и надуманные стадии только сбивали с толку научную молодежь, и не только молодежь, и мешали действительно научному марксистско-ленинскому анализу, правильной постановке исторических проблем и правильному решению этих проблем. Большинство советских археологов, — заявляет проф. Киселев, — не шло по марровскому пути, но им приходилось все время отбиваться от мешавших им крикливых группировочек из так называемой «школы» Марра. Всем своим противникам эти хорошо организованные группки марристов приклеивали ярлыки «формалистов». При этом так обзывали не настоящих формалистов, не тех, кто за выкопанными черепками ничего не хотел видеть, а как раз тех, кто пытался строить и все-таки строил марксистско-ленинскую археологию.

Оратор приводит ряд примеров того, насколько была вредна в археологии деятельность последователей Марра, особенно из числа работающих в Ленинграде, и подвергает критике работы В. И. Равдоникаса, В. А. Миханковой, А. П. Окладникова и др.

Нам, советским археологам, идущим по пути ленинско-сталинской науки, нужно еще более самокритично отнестись к собственной работе и к работе наших товарищей, говорит С. В. Киселев, — нужно тщательно проверять свою работу, поднимать ее на более высокий теоретический уровень, ликвидировать всякие пережитки прошлого, в том числе и влияние порочных идей так называемого «нового учения о языке». Проф. Киселев подчеркивает, что не все выступления в результате дискуссии по вопросам языкознания его удовлетворили. Ряд товарищей, которые в свое время ринулись в бой за Марра, теперь признают себя только введенными в заблуждение Марром и пытаются обвинить в приверженности Марру всех историков, археологов и этнографов огульно, очевидно, по пословице «На миру и смерть красна».

Другие выступавшие на собрании (акад. И. М. Майский, А. П. Кучкин, С. И. Якубовская и др.) также касались разных сторон значения для советских историков статей товарища Сталина по языкознанию.

В Институте этнографии АН СССР

На расширенном заседании Ученого совета Института этнографии с докладом на тему «Задачи этнографии в свете работ товарища Сталина по вопросам языкознания» выступил директор института проф. С. П. Толстов. Он указал, что статьи И. В. Сталина по языкознанию являются выдающимся вкладом в сокровищницу марксистско-ленинской теории; их значение далеко выходит за пределы лингвистики. Они представляют собой замечательный образец творческого развития марксизма-ленинизма, гениально намечают путь развития науки в нашей стране, со сталинской четкостью и глубиной вскрывая недостатки организации научной работы, которые свойственны в той или иной степени не одному языкознанию.

С. П. Толстов считает, что подавляющее большинство занимающихся этногенезом историков, археологов и этнографов и лично он сам были увлечены теорией Н. Я. Марра, пропагандировали ее, содействовали ее распространению, не сумев рассмотреть ее псевдомарксистской, вульгаризаторской сущности. Только сейчас, после опубликования статей И. В. Сталина, стало предельно ясно, насколько ошибочны были попытки привлечь порочные положения Н. Я. Марра к решению исторических проблем и в особенности к решению проблемы происхождения народов. В работах, посвященных проблемам происхождения народов, сказал С. П. Толстов, советские этнографы исходили из исторических, этнографических, археологических данных, стремясь следовать методологии марксизма-ленинизма, сталинской теории наций. Но поскольку при освещении лингвистических вопросов языковой материал привлекался главным образом в той форме, в какой он излагался учениками Н. Я. Марра, аргументация добытых на другом материале выводов ослаблялась, а в ряде случаев была просто ошибочной. Советская этнография и археология всегда отвергали такие положения Марра, как его труд-магическая теория, его неправильная трактовка тотемизма, теория «классов» в доклассовом обществе и др., но долгое время вследствие влияния Марра и его учеников имела распространение в советской этнографической литературе идеалистическая теория Леви-Брюля о первобытном «дологическом» мышлении. И хотя этнографы выступали против взглядов Леви-Брюля, пропагандировавшихся, например, чл.-корр. АН СССР В. И. Равдоникасом, однако никто не сумел направить критику против главного источника этих вредных теорий — идеалистических построений самого Марра. В историко-археологической и этнографической литературе, посвященной проблемам этногенеза, до недавнего времени прочно удерживалось положение Марра о стадильности языков, о переходе языков из одной стадии в другую путем взрыва, путем быстрой коренной перестройки всего строя языка на основе скре-

щения языков. В работах же товарища Сталина по вопросам языкознания дана уничтожающая критика стадильной теории, как антиисторической, идеалистической, отрывающей язык от его творца — человеческого общества, вскрывается ошибка в трактовке языка как надстроечного явления.

Теория Н. Я. Марра глубоко порочна, это теперь ясно для всех. Отсюда, однако, не следует, что теперь надо вернуться к праязыковой теории на том основании, что с ней боролся Н. Я. Марр. В основе праязыковой теории лежит положение о спонтанном, действующем постоянно, независимо от истории народов, процессе изменения звуков языка, составляющем якобы природное свойство языка. Праязыковая теория не в силах ответить на обязательное требование, поставленное товарищем Сталиным перед языковедами-марксистами: «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка».

С. П. Толстов предложил новую гипотезу происхождения языковых групп (семей). Отправляясь от сталинского положения о родовых языках и анализируя известные науке многочисленные факты о языках народов, находящихся на стадии первобытно-общинного строя, он выдвигает положение о том, что родовые языки в процессе длительного общения между родами сближаются друг с другом, в результате чего создается характерная для раннего (доплеменного) родового строя первобытная лингвистическая непрерывность, при которой нет резких лингвистических границ. С формированием племен и союзов племен происходит разрыв первобытной лингвистической непрерывности. Племенные языки формируются путем концентрации преобладающих признаков, характерных для языков территории формирования племен или союза племен. Специфически характерное для языков отдельных родов отмирает, а общее для всех объединяющихся родов получает развитие, обогащаясь новообразованиями, свойственными уже всему племени или союзу племен. Языки племен и союзов племен выделяются из первобытной лингвистической непрерывности, языки расходятся между собою, проявляются резкие лингвистические границы. Основы общности современных языковых групп восходят уже к этой древнейшей эпохе и слагались в течение долгих тысячелетий, начиная с возникновения родовых языков.

В заключение своего доклада С. П. Толстов призвал научных работников Института к глубокому изучению работ товарища Сталина о языкознании, к углубленной теоретической работе над проблемами этнографии, антропологии и фольклористики в свете новых гениальных указаний И. В. Сталина, к разворачиванию широких творческих дискуссий.

Проф. С. А. Токарев, соглашаясь с критикой праязыковой теории С. П. Толстовым, настаивал на том, что понятие праязыка все же должно быть восстановлено в своих правах. Проф. В. К. Никольский поддержал тезис С. П. Толстова, что отказ от теории Марра не означает возврата к праязыковой теории. Он призвал пересмотреть вопрос о языке жестов. Он считает, что никакого языка жестов не было, что в начале была нечленораздельная звуковая речь, лишь дополняемая жестами.

Антропологи М. Г. Левин и Т. А. Трофимова говорили о значении последних работ товарища Сталина для антропологии. Они указывали, что антропологи широко применяли концепцию Марра при исследовании проблем этногенеза, но, кроме вреда, это ни к чему не привело. М. Г. Левин указал, что, отвергая марровскую трактовку скрещивания языков, мы не должны недооценивать роли смешения в происхождении современных антропологических типов. М. Г. Левин отметил, что перед антропологами стоит очередная задача разработки вопроса о второй сигнальной системе в процессе антропогенеза с позиций павловского учения. Учение Павлова, все накопленные наукой факты говорят против теории кинетической речи. Звуковая речь изначально была ведущей. Следует четче различать понятия «звуковая» и «членораздельная» речь.

В прениях выступили также другие работники Института этнографии.

Б. М.